А. В. Хохлова [ab]

https://orcid.org/0000-0002-9786-0060
✉ *al.v.hohlova@gmail.com*

[a] *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*
[b] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

Охотник, рыцарь, правитель: маркеры социальных ролей в русском переводе романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль»

Аннотация. В статье рассматриваются социальные роли в русском переводе средневекового романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Главному герою романа за время странствий предстоит сменить три социальные роли: Парцифаль начинает свой путь в амплуа простака и охотника, затем мы наблюдаем его трансформацию в идеального рыцаря, и в конце он становится правителем в замке Грааля. В оригинальном тексте каждую из перечисленных ролей сопровождают определенные маркеры — ясные для средневекового слушателя, но не всегда очевидные читателю современному. Перевод Л. В. Гинзбурга допускает неточности и содержит много отступлений от оригинального текста, сокращает или дает в пересказе отдельные эпизоды — естественно, подобные вольности затрагивают и описания социальных ролей, которые примеряет Парцифаль. Игнорирование и пренебрежение незначительными на первый взгляд маркерами приводят к не вполне корректному пониманию средневекового оригинала. Однако для передачи всех нюансов, недоступных современному читателю, потребовалось бы не столько более точное поэтическое слово, сколько обширный историко-культурологический комментарий, которого лишены современные издания «Парцифаля» и который помог бы создать вокруг произведения необходимый контекст. Правитель в средневековом романе — это идеальный рыцарь, а рыцарь — всегда охотник; переход Парцифаля из одного состояния в другое, от одной социальной роли к другой в русском переводе сглажен, утрачены некоторые яркие маркеры, которые позволяли Вольфраму фон Эшенбаху точнее и острее обозначить каждую из социальных ролей.

Ключевые слова: «Парцифаль», Вольфрам фон Эшенбах, куртуазный роман, Л. В. Гинзбург, перевод, социальная роль, обратный перевод

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00375, https://rscf.ru/project/23-18-00375).

© А. В. ХОХЛОВА

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-51-69

Для цитирования: *Хохлова А. В.* Охотник, рыцарь, правитель: маркеры социальных ролей в русском переводе романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 51–69.

Поступило 30 мая 2024 г.; принято 1 октября 2024 г.

Shagi / Steps. Vol. 10. No. 4. 2024
Articles

A. V. Khokhlova[ab]

https://orcid.org/0000-0002-9786-0060
✉ *al.v.hohlova@gmail.com*

[a] *A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*
[b] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

Hunter, knight, ruler: Markers of social roles in the Russian translation of Wolfram von Eschenbach's 'Parzival'

Abstract. The article analyzes the depiction of social roles in the Russian translation of Wolfram von Eschenbach's 'Parzival'. During his travels, the protagonist has to change three social roles: Parzival begins his journey as a hunter, then there is his transformation into an ideal knight, and finally he becomes the ruler of the Grail Castle. In the original text, each of these roles is accompanied by certain markers that were clear to the medieval listener but are not always obvious to the modern reader. L. V. Ginzburg's translation allows inaccuracies, makes many digressions from the original text and paraphrases certain episodes. Naturally, this also affects the descriptions of Parzival's social roles. Ignoring and neglecting seemingly insignificant markers leads to an inaccurate understanding of the medieval romance. However, to convey all the nuances that are inaccessible to the modern reader would require not so much a more precise poetic idiom, as an extensive historical and cultural commentary, missing from modern Russian-language editions of 'Parzival', that would help create the necessary context around the work. The ruler in the medieval novel is the ideal knight, and a knight is always a hunter; Parzival's transition from one state to another, from one social role to another, is smoothed out in the Russian translation, and the markers that allowed Wolfram von Eschenbach to label each of the social roles more precisely and sharply are lost.

Keywords: 'Parzival', Wolfram von Eschenbach, chivalric romance, L. V. Ginzburg, translation, social roles, reverse translation

© A. V. KHOKHLOVA

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-51-69

Acknowledgements. The research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00375, https://rscf.ru/project/23-18-00375).

To cite this article: Khokhlova, A. V. (2024). Hunter, knight, ruler: Markers of social roles in the Russian translation of Wolfram von Eschenbach's 'Parzival'. *Shagi/Steps*, *10*(4), 51–69. (In Russian).

Received May 30, 2024; accepted October 1, 2024

Из всего корпуса средневековых немецких текстов на русский язык переведено совсем немного. Ранние образцы куртуазного романа (анонимные и принадлежащие перу Генриха фон Фельдеке или Гартмана фон Ауэ) остаются неизвестными; из монументального «Тристана» Готфрида Страсбургского переведено лишь несколько отрывков; также по большей части не переведен и неизвестен немецкий эпос — богатый и многогранный, включающий, к примеру, циклы поэм о Дитрихе Бернском. Те тексты, которые все же попали в поле зрения исследователей и заинтересованных переводчиков, зачастую пестрят ошибками и нестыковками — знаменита статья А. Я. Гуревича, где рассматриваются искажения эпических концептов в двух существующих переводах «Песни о нибелунгах» [Гуревич 1976].

Среди средневековых немецких текстов, которым повезло быть переведенным на русский язык, «Парцифаль» (Parzival, ок. 1210 г.) Вольфрама фон Эшенбаха занимает особое место. Его переводом занимался Л. В. Гинзбург, и в 1974 г. роман был опубликован в составе сборника «Средневековый роман и повесть» [Гинзбург 1974]. Издатели и переводчик приняли решение сократить наиболее длинные фрагменты, а отдельные эпизоды дать в близком к тексту пересказе [Гинзбург 1983: 17]. Причина, видимо, в том, что оригинальный «Парцифаль» — это огромное произведение, пестрящее пространными описаниями и отступлениями от основного сюжета, а сборник ориентировался в первую очередь на массовую аудиторию. В результате такого подхода, к сожалению, русский перевод был почти обречен на фактические ошибки, значительное искажение характеров персонажей и избыточную экспрессивность отдельных стихов [Хохлова 2023]. Читая произведение, написанное в XII–XIII вв., мы ожидаем, что сможем хотя бы в общих чертах познакомиться с той эпохой, однако сделать это непросто, когда переводчик позволяет себе отбрасывать детали, которые — пусть сейчас они и кажутся незначительными — были чрезвычайно важны для современника оригинального текста; не упрощает знакомство и отсутствие подробного комментария, который характерен скорее для научных изданий.

Искажения в переводе затрагивают все аспекты произведения, но в этой статье мы остановимся лишь на одном — значимом, однако, для всего романа, — а именно на социальных ролях в тексте «Парцифаля».

«Парцифаль» отличается от стандартного «кретьеновского» рыцарского романа: герой постепенно переходит от одной социальной роли к другой — сменяет амплуа, характерные для средневекового рыцарского романа[1], — что позволяет некоторым исследователям называть роман Вольфрама фон Эшенбаха первым в европейской культуре романом воспитания [Мелетинский 1983: 127; Бахтин 1979: 198][2]. Каждая из этих ролей обладает своими характерными чертами — маркерами, по которым читатель/слушатель понимает, в каком амплуа выступает персонаж в данный момент, и чрезвычайно интересно посмотреть, как обращается с этими маркерами перевод не просто на другой язык, но из одной культурной парадигмы в другую, попытаться выполнить так называемый обратный перевод.

Впервые Парцифаль появляется перед читателем в амплуа простака — наивного и диковатого охотника из лесной глуши. Позднее, во время своих странствий, он постигнет правила куртуазного служения, а затем, пройдя долгий и непростой путь, преодолев духовный кризис, в финале романа станет правителем Мунсальвеша. Три эти социальные роли — и в романе, и в средневековой культуре в целом — теснейшим образом переплетены. Охотник может не быть рыцарем, но рыцарь обязательно умеет охотиться; не всякий рыцарь становится правителем, но всякий правитель изначально рыцарь. В результате образуется своеобразная эволюционная цепочка, в которой каждое последующее звено вбирает в себя черты предыдущих и привносит что-то свое.

Социальным ролям — не только в Средневековье, хотя в ту эпоху это, быть может, выражено наиболее ярко, — присуща некоторая театральность. Без театрализации, подразумевающей наличие зрителей (других рыцарей, придворных, дам, слуг и т. д.), рыцарь едва ли мог соответствовать своему статусу — ведь в таком случае правила и ритуалы, предписываемые его социальной ролью, теряли смысл [Гуревич 2009: 175]. Несомненно, в средневековом рыцарском романе — как следует из его названия — именно рыцарство является ключевой социальной ролью, главным амплуа. Не становится исключением и «Парцифаль». Основные «сцены», в которых рыцарю удается сыграть свою «роль», — это охота, рыцарский турнир и/или поединок, пир и, конечно, служение даме[3]. Но, как уже было сказано, Парцифаль начинает свой путь в качестве простака-охотника — эта роль выносится в отдельный этап его героического пути, с этого же стоит начать и анализ перевода.

---

[1] Взросление героя также можно наблюдать в романах о Ланселоте и Тристане, но в них нет того самого становления героя, его органичного перехода из одного статуса в другой, присущего Парцифалю.

[2] Е. М. Мелетинский говорит в целом об истории Персиваля/Парцифаля и во французской, и в немецкой версиях.

[3] Можно выделить и некоторые другие сцены, в которых рыцари могли продемонстрировать принадлежность к социальному слою, сыграть свою «роль», например участие в воинских походах, но в рамках нашего исследования остановимся на указанных четырех.

Охотник

Значение охоты для средневековой культуры сложно переоценить. Не охотились в эту эпоху разве что клирики, которым предаваться подобным забавам запрещали церковные эдикты[4], да и то лишь на бумаге; фактически же выходцы из аристократических семей, вынужденные по тем или иным причинам принять сан, с детства не мыслили жизни без охоты. Пока господин с гостями и слугами гнался за оленем, дамы и придворные с удобством располагались на стенах ближайшего замка или в специально разбитых для них шатрах и палатках и наблюдали за забавой со стороны [Bumke 1991: 125].

Для придворной охоты устраивались огороженные охотничьи парки, требовался целый штат слуг и егерей, чтобы следить за популяцией дичи в лесах, дрессировать псов и охотничьих птиц, — и это не говоря уже об обеспечении удобства самих охотников и публики. Такая охота была дорогим занятием, и, очевидно, добыча пропитания и ресурсов не была основной ее целью. Вместо этого на первый план выходила символическая функция: стремление продемонстрировать обеспеченность двора и собственные умения. Охота становилась привилегией, аристократическим занятием. Появились запреты охотиться в определенных местах или на определенные виды животных; иногда запреты могли быть связаны со временем года или способом охоты. Это накладывало отпечаток на восприятие охоты как практики и на особенности ее изображения в литературе — в частности, в интересующем нас куртуазном романе.

Простак-охотник — первая ипостась, в которой появляется Парцифаль на страницах романа. Укрытый в лесной глуши, не знающий своего происхождения, он собственноручно вырезает из дерева лук и стрелы и занимается охотой на птиц — единственной доступной ему королевской игрой, как сообщает нам русский перевод. Оригинал [Bumke 2008], однако, расставляет акценты иначе:

zer waste in Soltâne erzogn, an küneclîcher fuore betrogn; ez enmoht an eime site sîn: bogen unde bölzelîn, die sneit er mit sîn selbes hant, und schôz vil vogele die er vant. (118, 1–6)	Из королевских игр одна Была ему разрешена: К лесным прислушиваясь звукам, Бродил он с самодельным луком, И, натянувши тетиву, Пускал он стрелы в синеву, Где резвые кружились птахи... [Гинзбург 1974: 314]

[4] Первые зафиксированные запреты на охоту для представителей духовного сословия относятся к началу VI в.: Агдский (506 г.) и Эпонский (517 г.) соборы постановили, что епископы, пресвитеры и диаконы не могут держать охотничьих собак и соколов, а ко времени правления Карла Великого духовным лицам запретили также охотиться в лесах. Без каких-либо послаблений эти запреты повторялись в сборниках канонического права по крайней мере до XII в. [Szabo 1997: 186].

> Взращенный в пустынном Солтане, обманом лишенный королевского образа жизни, он мог заниматься лишь одним: своими собственными руками он вырезал лук и стрелы и стрелял в птиц, которых видел[5].

Парцифаль здесь «обманом лишен королевского образа жизни» (an küneclicher fuore betrogn), а не довольствуется единственной доступной ему королевской игрой. Эту деталь, перенос эпитета «королевский» с одного предмета на другой, можно упустить — тем более что дальше речь идет о более ярком и знаменательном для Парцифаля эпизоде[6]. Однако она важна, ведь во времена создания «Парцифаля» охота с луком, вопреки русскому переводу, слабо ассоциировалась с «королевской» охотой.

В раннее Средневековье — о чем свидетельствуют ранние эпические тексты — лук выступает атрибутом Карла Великого и других героических правителей, но к началу XIII в., во времена расцвета куртуазной традиции, его значение трансформируется: все чаще лук и стрелы выступают в качестве оружия разбойников, пастухов, вилланов (за которого Парцифаля отнюдь не случайно принимают проезжие рыцари — он охотится пешим, с луком и одет в простую одежду) [Фомичева 2018: 148; Bumke 1991: 174].

Охота Парцифаля далека от высоких рыцарских стандартов: он несет тушу оленя неразделанной — будто в противопоставление «Тристану» Готфрида Страсбургского, в котором главный герой, представший перед егерями короля Марка, приносит в земли Корнуолла «куртуазный» способ разделывания дичи и правильного преподнесения ее правителю [Hatto 1980: 204].

nû hœret fremdiu mære.	И вот, послушайте, однажды
swenne er schôz daz swære,	Копьем в оленя угодил,
des wære ein mûl geladen gnuoc,	Что был громаден непомерно.
als unzerworht hin heim erz truoc.	С такою ношею, наверно,
(120, 7–10)	Не смог бы сладить даже мул.
	А он и глазом не моргнул
	И, на спину взваливши тушу,
	Упорством укрепляя душу,
	Явился в материнский дом,
	Нисколько не устав притом...
	[Гинзбург 1974: 316]

> Послушайте странную историю: даже если он стрелял дичь достаточно тяжелую, чтобы нагрузить ею мула, то все равно нес ее домой неразделанной.

Примечательно, что перевод сохраняет эту деталь, но без пояснительного комментария верно интерпретировать ее сложно. Мы

[5] Здесь и далее подстрочный перевод мой.

[6] Речь об убийстве певчей птицы, чья смерть заставила Парцифаля осознать смертность живых существ. Следующий за этим приказ Герцелойды перебить певчих птиц, чтобы Парцифаль не грустил от их пения, приводит мать и сына к разговору о Боге.

можем уловить, что Парцифаль здесь предстает скорее сказочным богатырем, чем наследником куртуазной традиции, но не можем так же интуитивно понять, что в этом отрывке описывается нарушение куртуазного обычая.

Но, даже будучи изолированным в лесу, Парцифаль проявил изобретательность и благодаря своему наследственному таланту стал кормильцем для лесного двора своей матери:

er lernte den gabylôts swanc,	Учился он метать копье
dâ mit er manegn hirz erschôz,	И столько уложил оленей,
des sîn muotr und ir volc genôz.	Что мать и весь ее народ
(120, 2–4)	Кормились ими круглый год.
	[Гинзбург 1974: 316]

Он учился метать дротик и сразил им множество оленей, которыми кормил свою мать и ее народ.

Как лук Парцифаля, с которым он охотится на птиц, — нерыцарское оружие, так и упомянутый в приведенном отрывке дротик — оружие виллана. В оригинале употребляется слово *gabylôt* — им даже не пробить толстые «шкуры» рыцарей, как отмечает сам Парцифаль (124, 12–14).

Встреча героя с этими самыми рыцарями — пришельцами из иного, куртуазного мира — происходит во время охоты: пока юноша блуждает по лесу, выискивая оленей (120, 11–15), рыцари ведут охоту иного толка — они гонятся за двумя бесчестными похитителями (122, 15–20). Разница в экипировке Парцифаля-охотника и рыцарей должна подчеркивать разницу их социальных ролей. Рыцари вооружены мечами (124, 5), а перевод снабжает их еще и копьями — не делая при этом различий между копьем-дротиком Парцифаля[7] и боевым рыцарским копьем (*sper*)[8]. Окончательно различия стирает появляющийся в русской версии эпитет «неотразимое копье» — в оригинале Парцифаль обозначает его скромным «мой дротик» (*mîn gabylôt*, 124, 14).

Несмотря на желание Герцелойды уберечь своего сына от судьбы рыцаря, столкнувшись с новым культурным феноменом, Парцифаль немедленно загорается идеей отправиться ко двору короля Артура. Он все еще наивен и диковат, его нерыцарственность выражается в одежде, оружии и поведении; он простак-охотник, который только начинает свой путь становления рыцарем — этот процесс займет какое-то время, и атрибуты виллана будут отсекаться постепенно. Охота — одна из ключевых сторон жизни культурного человека — позволяет наглядно показать культурную удаленность Парцифаля от артуровского двора,

[7] В переводе оружие Парцифаля обозначается словом *дротик* лишь после прибытия юноши ко двору короля Артура и сражения с Итером Красным.

[8] В эпизоде в лесу боевое рыцарское копье не упоминается, но позже будет неоднократно фигурировать в тексте (например, как часть экипировки Итера Красного, которую забирает себе Парцифаль: v. 145, 25).

куда он стремится попасть, и становится удачной отправной точкой для его трансформации в рыцаря[9].

Русский перевод достоверно передает главную идею, которую пытался донести до слушателя Вольфрам фон Эшенбах: Парцифаль в силу своего происхождения обладал исключительными качествами, которые выделяли его среди обитателей лесного двора королевы Герцелойды и позволили ему занять место «кормильца». Однако приведенные выше детали, в переводе опущенные, сглаживают глубину культурной пропасти, лежащей между Парцифалем и рыцарями: его охота, несмотря на природный талант, — это пока не искусство, как и Парцифаль пока что, хотя и принадлежит к рыцарскому сословию по праву рождения, — не куртуазный рыцарь.

Рыцарь

Рыцарь — объемное понятие. Это и сословие, и социальная роль, которую примеряет на себя Парцифаль. В конце концов это амплуа, в котором действуют главные герои романов артуровского цикла. Парцифалю предстоит научиться быть рыцарем в куртуазном понимании этого слова, а затем пройти непростую, долгую духовную трансформацию.

Но для начала Парцифалю нужно избавиться от «детских» охотничьих атрибутов простака и виллана. Ко двору короля Артура он прибывает в шутовском наряде и верхом на кляче, вооруженный метательным дротиком и парой материнских советов. Его первый противник — Итер Красный — сражен не рыцарским оружием, да и до честного рыцарского поединка дело не дошло. После убийства Итера юный Иванет помогает Парцифалю облачиться в доспехи:

‘Got lône dir. nû râte, waz ich tuo!	«Сильнейшего ты поборол!
ich kan hie harte wênic zuo.	Раздался голос Иванета.
wie bringe ichz ab im und an mich?’	Здесь все тебе принадлежит:
‘daz kan ich wol gelêren dich,’	Его копье, и меч, и щит,
sus sprach der stolze Iwânet	И этот конь, и эти латы!..»
zem fil I*i* roy Gahmuret.	Он обнял юношу, как брата,
entwâpent wart der tôte man	И снаряженье снял тотчас
aldâ vor Nantes ûf dem plân,	От наколенников до шлема...
und an den lebenden geleget,	‹...›
den dannoch grôziu tumpheit reget.	«Теперь снимай свою хламиду!
Iwânet sprach: ‘diu ribbalîn	Промолвил юный Иванет.
sulen niht underem îsern sîn:	Ты не по-рыцарски одет
du solt nû tragen ritters kleit.’	И просто шут бродячий с виду!..»
(156, 15–27)	[Гинзбург 1974: 338]

[9] Похожий переход, описывающий возвращение в цивилизованное общество одичавшего Ивэйна посредством охоты (также с самодельными луком и стрелами), можно наблюдать во французской и немецкой версиях романов об Ивэйне.

‘ich enreiche dir dechein gabylôt.
diu ritterschaft dir daz verbôt’
sprach Iwânet, der knappe wert,
der gurte im umbe ein scharpfez swert.
daz lêrt ern ûz ziehen
und widerriet im fliehen.
(157, 19–24)

Ywâneten niht bevilte,
ern lêrt in underm schilte
künsteclîch gebâren
und der vîende schaden vâren.
er bôt im in die hant ein sper.
daz was gar âne sîne ger.
doch vrâgt ern: ‘war zuo ist diz frum?’
‘swer gein dir zer tjost kum,
dâ soltuz balde brechen,
durch sînen schilt verstechen.
wiltu des vil getrîben,
man lobt dich vor den wîben.’
(158, 1–12)

«Да вознаградит тебя Бог! Теперь дай совет, что мне делать. Я мало в этом смыслю: как мне снять с него [доспехи] и надеть на себя?» — «Я легко научу тебя этому», — сказал гордый Иванет сыну Гамурета. На равнине перед Нантом мертвец был разоружен, и в его доспехи облачился живой [юноша], которым двигала великая глупость. Иванет сказал: «Эти ботинки нельзя надеть под доспехи, теперь ты должен носить рыцарскую одежду» (156, 15–27).

Затем Иванет, благородный оруженосец, сказал: «Я не дам тебе дротик — рыцарство запрещает подобное оружие». Он опоясал его острым мечом, научил вытаскивать его [из ножен] и посоветовал не бежать [с поля боя] (157, 19–24).

Иванет был вовсе не против научить Парцифаля умело обращаться со щитом и находить уязвимости врагов. Он предложил ему еще и копье, но Парцифалю не хотелось его брать, и он спросил: «Для чего это?» — «Если кто-нибудь вступит с тобой в поединок, ты должен будешь немедленно пробить щит [противника], сломав [копье]. Если ты будешь часто заниматься этим, тебя будут хвалить перед женщинами» (158, 1–12).

Иванет сообщает, что рыцарский статус не позволяет носить дротик в качестве оружия (157, 19–20), вместо этого вручает Парцифалю меч (*ein scharpfez swert*) и настоящее рыцарское копье (*sper*) и объясняет, как ими пользоваться и зачем они вообще нужны. Таким образом, Иванет становится вторым наставником Парцифаля: сначала это женщина (Герцелойда), затем оруженосец (Иванет) и только в финале Книги III юношу обучает настоящий куртуазный рыцарь Гурнеманц. Эта

последовательность, кажется, должна была отражать традиционные этапы становления рыцарем, но в переводе, как видно из приведенной выше цитаты, она лишается одного из звеньев: Иванет всего лишь помогает Парцифалю облачиться в доспехи и не дает никаких советов.

Как бы то ни было, и в оригинале, и в переводе настоящие правила рыцарского поведения Парцифаль узнает только в замке своего дяди Гурнеманца, куда попадает вскоре после двора короля Артура. Пройдя обучение, Парцифаль становится рыцарем в куртуазном понимании этого слова — вопрос в том, какими качествами, по мнению Вольфрама фон Эшенбаха, куртуазный рыцарь должен обладать и как их передает русский перевод.

Проблема Парцифаля, его беда, заставившая совершить несколько грехов, — это, несомненно, буквальное понимание советов: сначала своей матери, затем Гурнеманца. Старый рыцарь учит Парцифаля быть милосердным и сострадательным, не оставлять людей в беде, не лгать, уважать чужие обычаи и блюсти придворный этикет. Среди всех правил, представляющих собой перечень нравственных качеств, которыми должен обладать куртуазный рыцарь, особенно примечательно одно:

lât die erbärme bî der vrävel sîn!	...вступая в бой, сомкни, мой милый, Великодушье с твердой силой!..
sus tuot mir râts volge schîn!	Не смей, коль совесть дорога,
An swem ir strîtes sicherheit	Топтать лежачего врага,
bezalt, ern hab iu sölhiu leit	И если он тебе сдается,
getân, diu herzenkumber wesn,	То и живым пусть остается!
die nemt und lâzet in genesn.	Ему поверив на слово,
(171, 25–30)	Ты отпусти несчастного!..
	Поверженных не обижай!..
	[Гинзбург 1974: 344]

> Пусть мужество сопровождается милосердием. Следуй моему совету: если в бою противник сдается, тогда, если он не причинил тебе смертельной обиды, прими его клятву и оставь в живых.

Милосердие и сострадание в куртуазном универсуме, в который вступает Парцифаль, принимаются с оговоркой. «Если он не причинил тебе смертельной обиды, прими его клятву и оставь в живых»[10], — учит Гурнеманц племянника. В такой трактовке «милосердие» Гурнеманца далеко от абсолютного христианского милосердия [Hasty 1998: 178] — что логично, ведь духовная трансформация ожидает Парцифаля впереди. Потому полученный от Гурнеманца вместе с кодексом рыцарского поведения запрет задавать вопросы оказывается важнее безусловного христианского милосердия / сострадания, требующего спросить, от чего страдает король Грааля Анфортас, и тем самым спасти его от причиняющей невероятные страдания неисцелимой раны. Однако в русском переводе советы Гурнеманца не столь резко расходятся с идеей христианского

[10] Разрядка здесь и далее моя.

всепрощения: нигде в тексте нет оговорки, что иногда, в исключительных случаях, рыцарь может убить сдавшегося ему на милость противника.

Само рыцарство в романе обозначается термином *ritterschaft* и, как становится понятно на практике, высокие моральные качества, вопреки словам Гурнеманца, не являются главной характеристикой этой социальной роли. К примеру, рыцарь по имени Мелиаканц появляется в тексте дважды: как похититель девушки, которого преследуют рыцари, встреченные юным Парцифалем в лесу (125, 11), и один из рыцарей, осаждающих крепость Барош (343, 16–344, 18)[11]. Вольфрам фон Эшенбах характеризует его меткой и нелестной фразой: «Будь то женщина или девушка, их любви он добивался силой; его нужно казнить за это» (343, 27–30); в тексте романа нет ни одной положительной характеристики Мелиаканца. Другим примером может служить раненый рыцарь Урьянс, похитивший у Гавана коня: из рассказа Гавана мы узнаем, что в прошлом Урьянс обесчестил придворную даму, понес за это наказание, но рыцарского статуса не утратил (524, 9 — 529,1)[12].

Гурнеманц несет ответственность вовсе не за духовную трансформацию Парцифаля: он обучает юношу правилам поведения при дворе, искусству верховой езды и умению держать копье и щит (173, 11 — 174, 30). Это должно показать культурный разрыв между куртуазным и некуртуазным образом жизни, так же как до этого — неумение Парцифаля самостоятельно облачиться в броню Итера [Hasty 1998: 164]:

Parzivâl, der tumbe,
kêrt in dicke al umbe.
er kunde im ab geziehen niht
— daz was ein wunderlîch geschiht —
helmes snüere noch sîniu schinnelier.
mit sînen blanken handen fier
kund ers niht ûf gestricken
noch sus her ab gezwicken.
vil dicke ers doch versuochte,
wîsheit der unberuochte.
(155, 19–28)

Чего ж ты медлишь, Парцифаль?
Ужель гнетет тебя печаль?
Неужто, выиграв сраженье,
Ты взять не хочешь снаряженье
Тобой убитого бойца?
Или страшишься мертвеца
Ты, славный отпрыск Гамурета?
Иль навыка не приобрел?..
[Гинзбург 1974: 338]

Глупый Парцифаль переворачивал его [Итера] снова и снова. Он ничего не мог с него снять. Это было странное дело: ни завязки шлема, ни наколенники не мог он развязать своими прекрасными белыми руками, не мог стянуть их тот, кому недоставало мудрости, как ни старался.

В переводе создается впечатление, что Парцифаль берет в руки копье, садится на коня и сразу превращается в идеального рыцаря, тогда как оригинал отмечает: несмотря на врожденную, унаследованную от

[11] В переводе Мелиаканц появляется лишь однажды — в эпизоде осады; в сцене встречи Парцифаля с рыцарями Л. В. Гинзбург не называет имен похитителей девушки и указывает неверное их количество.

[12] Предыстория знакомства Гавана с раненым рыцарем в перевод не вошла.

Гамурета доблесть (den twanc diu Gahmuretes art und an geborniu manheit, 174, 24–25)[13], несмотря на то что Парцифаль талантлив и схватывает на лету вещи, которым рядовые рыцари обучаются с детства, — ему все еще нужно им у ч и т ь с я.

Символично, что в оригинале именно Гурнеманц нарекает Парцифаля Красным Рыцарем; в переводе же это чрезвычайно значимое указание полностью исчезает:

der wirt erkante den ritter rôt:	И под конец не умолчал
er dersiufte, in derbarmt sîn nôt.	О воинском своем таланте:
sînen gast des namn er niht erliez,	О том, как Красный Итер пал...
den rôten rittr er in hiez.	И князь при этом прослезился.
(170, 3–6)	[Гинзбург 1974: 344]

Хозяин [Гурнеманц] узнал Красного Рыцаря. Он вздохнул, оплакивая его гибель. Он настоял на том, чтобы дать гостю то же имя — он назвал его Красным Рыцарем.

Ивэйн в романах Кретьена де Труа и Гартмана фон Ауэ лишался имени и становился «Рыцарем со львом», пока его рыцарский статус не был восстановлен; наречение же новым именем Парцифаля — тем более что это делает человек, выступающий наставником юноши и его названым отцом, — сродни акту инициации и соотносится с полноценным обретением новой социальной роли.

Итак, главными характеристиками куртуазного рыцаря становятся знание формальных правил поведения при дворе, наличие подходящего платья и экипировки и готовность вступить в схватку — и всего этого оказывается недостаточно, когда Парцифаль впервые прибывает в Мунсальвеш. Совершенный им грех — вопрос, который он не задает Анфортасу из-за слишком буквального понимания правил куртуазного служения, — показывает духовную незрелость Парцифаля. Он достиг культурного совершенства, и следующим этапом его становления должно стать совершенство духовное: Кундри, прилюдно обвинившая Парцифаля, запустит новый виток его странствий, ключевым эпизодом которых станет общение с Треврицентом.

Накануне знакомства со своим дядей-отшельником Парцифаль встречает паломника — рыцаря, который со своей семьей в Страстную пятницу отправился к богомолью (450, 18–19). Парцифаль разочарован в Боге, почти ненавидит его, но именно в этот момент он начинает сомневаться в своем богоборческом настрое и приходит к приюту отшельника. Треврицент раскрывает Парцифалю глаза и на его происхождение, и на страшные грехи, которые он совершил, руководствуясь рыцарским кодексом, но не думая при этом о Боге.

[13] Тогда как у Кретьена доблесть героя — это то, что идет от «природы», у Вольфрама она наследственная, что, вероятно, должно обеспечить идеологическую поддержку аристократии [Hasty 1998: 165], и в русском переводе этот момент передан точно.

В русском переводе острота духовной трансформации Парцифаля скрадывается. К примеру, перевод забегает вперед, приписывая Парцифалю в его юные годы бóльшую религиозную осознанность, чем он демонстрирует на самом деле. В немецком тексте его понимание Бога до встречи с Треврицентом наивно: он принимает за Господа рыцаря, которого встречает в лесу, и приветствует всех распространенным пожеланием «Храни вас Бог!» (132, 23–24; 138, 25–27; 145, 9; 147, 19–21; 147, 30 — 148, 3), потому что так велела ему мать. В переводе тем временем появляется его неожиданное стремление стать Христовым рыцарем и сражаться за веру задолго до встречи с Треврицентом:

got huete dîn! ich wil von dir varn. der mag uns bêde wol gewarn (159, 3–4)	«...скажи: не славы я искал. Иные чувства — честь и в е р а Мою обуревали грудь. ‹...› Однако мне пора в дорогу. Прощай. Господь тебя храни!..» И на прощание они Смиренно помолились богу[14]. [Гинзбург 1974:339–340]

Храни тебя Бог! Я покидаю тебя. Пусть Он защитит нас обоих от зла.

b e z a l a b r i c h i m m e r r i t t r s p r î s, sô daz ich wol mac minne gern, ir sult mich Lîâzen wern, iwerre tochter, der schœnen magt. (178, 30 — 179, 3)	Я и м я г о с п о д а п р о с л а в л ю, Х р и с т о в о р ы ц а р с т в о в о з г л а в л ю, И лишь тогда на тебе женюсь, Если таким я сюда вернусь!.. [Гинзбург 1974: 346]

Е с л и я о д н а ж д ы з а с л у ж у р ы ц а р с к у ю с л а в у, то получу возможность просить любви, и ты должен будешь отдать мне прекрасную деву Лиазу, твою дочь.

Если в первом примере уточнение кажется незначительным, то во втором неожиданное желание возглавить Христово рыцарство (против стремления заслужить «рыцарскую славу» в оригинале) диаметрально меняет мотивацию Парцифаля. Он в самом деле возглавит Христово рыцарство в Мунсальвеше — это известно и автору, и читателю, — но во время обучения у Гурнеманца это скрыто от самого Парцифаля, да и мирская слава волнует его гораздо сильнее далекой и непонятной славы Господней.

[14] Надо отметить, что молиться Богу Парцифаля научит Гурнеманц и произойдет это позже приведенного отрывка (vv. 169, 15–20).

Правитель

Гамурет, отец Парцифаля, Гаван и другие рыцари, принадлежащие к куртуазному универсуму романа, заканчивают свое становление в точке служения высокой куртуазной Любви, Minne, тогда как путь Парцифаля выводит героя за ее пределы. Рыцарь куртуазного образца для него — лишь одна из ступеней на пути становления рыцарем Грааля, правителем Мунсальвеша, отмеченным высоким религиозно-нравственным призванием [Мелетинский 1983: 117]. Стать правителем Мунсальвеша — предназначение Парцифаля, даже если изначально его глупая оплошность едва не обрекает Анфортаса и его подданных на вечные страдания. После беседы с Треврицентом Парцифаль наконец-то знает, что ему предстоит сделать и куда прийти.

Формально Парцифаль становится правителем уже в Книге IV, когда после обороны и освобождения Пельрапейра свершается его брак с Кондвирамур. Надолго, впрочем, он в этом статусе не задерживается: его зовут дорога приключений и желание навестить матушку. Простившись с супругой, Парцифаль вновь отправляется в путь, и вернуться в статус правителя — а главное, примерить эту социальную роль — ему предстоит только в самом финале романа.

Чем ближе к Мунсальвешу подходит Парцифаль, тем отчетливее становятся происходящие с ним изменения. В замок он въезжает вместе со своим братом Фейрефицем, и хотя создается впечатление, что они равны, в оригинале ведущая роль все-таки отведена Парцифалю: именно его ждут и встречают со знаменами (793, 11–13), именно к нему обращается Анфортас; Фейрефиц остается чужаком: к нему применимы законы гостеприимства, но Анфортас все же пытается отослать его во время своего разговора с Парцифалем.

dise zwêne enpfienc dô Anfortas
vrœlîche unt doch mit jâmers siten.
er sprach
‹...›
sît ir genant Parzivâl,
sô wert mîn sehn an den Grâl
siben naht und aht tage:
‹...›
iwer geselle ist hie e i n v r e m d e r m a n:
sîns stêns ich im vor mir niht gan.
wan lât im varn an sîn gemach?
(794, 30; 795, 1–2, 11–13, 17–19)

Анфортас, прислонясь к стене,
Сносил чудовищные муки...
Но, увидав вошедших, руки
Он к ним приветливо простер...
(Надежды ли вспыхнул в нем
костер?..)
Явным было его оживленье
От столь нежданного явленья...
[Гинзбург 1974: 569]

> Анфортас приветствовал обоих [Парцифаля и Фейрефица] радостно, но с печальным видом. Он сказал: «‹...› Если твое имя Парцифаль, тогда не давай мне смотреть на Грааль в течение семи ночей и восьми дней ‹...› Твой спутник здесь ч у ж о й. Я не дозволяю ему оставаться рядом со мной. Почему бы не дать ему отдохнуть?»

Вплоть до принятия Фейрефицем христианства его продолжают называть язычником (*der heiden*; см., например: 793, 15; 806, 3; 809, 1; 810, 3 и т. д.) — уже поэтому он не может быть равен Парцифалю, несмотря на то что оба они сыновья Гамурета. Перевод же уже в начале Книги XVI отказывается от этой характеристики. Это не единственный пример, когда перевод пренебрегает обозначениями социальных ролей / статусов, специфически подчеркнутых в оригинале: русский перевод именует Парцифаля «королем Грааля», но теряет другое обозначение статуса — отныне Парцифаль должен именоваться также *wirt*, «хозяином» замка Грааля, а его супруга, королева Кондвирамур, соответственно, «хозяйкой» (*wirtin*, 806, 27). Примечательно, что «хозяином» в Пельрапейре Парцифаль не становится — его законное место в Мунсальвеше, и только пройдя свой путь до конца, преобразившись и культурно, и духовно, он сможет занять высшее положение в средневековой рыцарской иерархии.

Беда Анфортаса — это, как и у Парцифаля, «куртуазный» недуг. Но если Парцифаль совершил грех из-за буквального следования рыцарскому кодексу, то Анфортас ударился в другую крайность и, увлекшись совершением куртуазных подвигов, поставил любовные чувства выше Грааля. Наказанием стала незаживающая рана в паху[15], нанесенная отравленным копьем язычника (478, 1 — 479, 12). В то время как Парцифалю, чтобы избавиться от гнета совершенных им (по наивности и незнанию) грехов, необходимо пройти путь внутренней духовной трансформации, Анфортаса от страданий может избавить только сила внешняя — Парцифаль и заданный им вопрос.

Несмотря на то что текст упоминает бурное прошлое Анфортаса, полное любовных похождений и рыцарских подвигов, на протяжении большей части романа он малоподвижен и буквально (прикован к постели), и духовно, пребывая в ожидании смерти или исполнения пророчества Грааля, обещающего ему исцеление. Однако подобная пассивность свойственна не только Анфортасу. Не стоит забывать о другом правителе, присутствующем в романе. Король Артур и его королевство являют собой образец высокоморального куртуазного общества, а сам Артур — в отличие от главных героев, находящихся в поиске морального совершенствования и равновесия между любовным и рыцарским служением, — представляет собой живое воплощение рыцарственности. Ему нет нужды отправляться в странствия на поиски приключений, чтобы морально совершенствоваться, потому обыкновенно он довольно пассивен [Михайлов 1976]. Не является исключением и «Парцифаль». Пассивность Анфортаса — вынужденная расплата за излишнюю увлеченность любовными похождениями, пассивность Артура — следствие его идеальности. Неудивительно, что после своего исцеления Анфортас не просто «разжалован» из королей в рыцари — он также

[15] Русский перевод не уточняет место, куда был ранен Анфортас, хотя ранение в гениталии, кажется, является символом, без лишних пояснений понятным и современному читателю.

отказывается от приглашения Фейрефица отправиться в странствие и выбирает путь смирения: отныне он будет сражаться на турнирах не во имя женщин, а во славу Грааля (819, 15 — 820, 4). Русскоязычный читатель, к сожалению, узнать дальнейших планов Анфортаса не может — последний раз бывший король Грааля появляется в тексте, чтобы посмеяться над наивным вопросом Фейрефица о крещении[16]:

‘...ich wil vil tjoste rîten,
ins grâles dienste strîten.
durch wîp gestrîte ich niemer mêr:
ein wîp gab mir herzesêr.
Idoch ist ietnmer al mîn haz
gein wîben vollecliche laz:
hôch manlîch vreude kumt von in,
swie klein dâ wære mîn gewin.’
Anfortasen bat dô sêre
durch sîner swester êre
Feirefîz der danverte:
mit versagen er sich werte.
(819, 27 — 820, 8)

«...как совершается крещенье?
То, видимо, мечей скрещенье,
Великий, видимо, турнир?
Или особый это пир?..»
Услышав сей вопрос,
Анфортас хохотал до слез,
И Парцифаль смеялся тоже...
[Гинзбург 1974: 575]

«...я хочу сражаться во славу Грааля во множестве битв, но драться за внимание женщин я больше не буду. Была одна женщина, что наполнила мое сердце печалью. Однако я не стану враждебен ко всем женщинам: с ними приходит много радости, но мне от них не досталось никакой выгоды». Фейрефиц тогда горячо попросил Анфортаса — во славу его сестры — отправиться с ними. Тот упорно отказывался.

Анфортас обретает «динамику», Парцифаль — отныне идеальный — «заземляется». Теперь уже он становится тем центром, вокруг которого происходит движение: Фейрефиц отправляется в странствия, Анфортас сопровождает его до ближайшего города; другие рыцари продолжают свое движение в поисках совершенства.

* * *

Правитель в средневековом романе — это идеальный рыцарь, а рыцарь всегда готов примерить на себя часть охотничьих атрибутов и принять участие в охоте — реальной или метафорической (любовной). В «Парцифале» король Артур выступает одновременно в трех ипостасях во время устроенной в день Троицы охоты — тогда же его любимый сокол улетает от сокольника и встречает блуждающего в лесу Парцифаля. Аналогично проявляют себя и другие правители в романе: король Вергулахт возвращается с журавлиной охоты, когда его встречает Гаван;

[16] Еще одно упоминание Анфортаса встречается в самом конце Книги XVI, но оно носит ретроспективный характер.

король Грамофланц носит с собой ручного сокола, а Анфортас — король-рыбак[17]. Парцифаль, как уже отмечалось ранее, отсекает явные охотничьи атрибуты по мере становления рыцарем.

Переход Парцифаля из одного состояния в другое — от одной социальной роли к другой — в переводе сглаживается, ему недостает остроты, присущей тексту Вольфрама фон Эшенбаха. Вполне очевидно, что для передачи этой остроты потребовалось бы не столько более точное поэтическое слово, сколько обширный (или, по крайней мере, расширенный по сравнению с тем, как он представлен в существующих изданиях «Парцифаля» на русском языке) историко-культурологический комментарий, способный выступить инструментом обратного перевода. Утраченные нюансы и детали, в свою очередь, сами могут стать предметом не только комментария, но и исследований, предлагающих различные интерпретации.

Источники

Гинзбург 1974 — *Вольфрам фон Эшенбах*. Парцифаль / Пер. со средневерхненем. Л. Гинзбурга // Средневековый рыцарский роман и повесть / Вступ. ст. и примеч. А. Д. Михайлова. М.: Худ. лит., 1974.

Гинзбург 1983 — *Гинзбург Л.* Разбилось лишь сердце мое. М.: Сов. писатель, 1983.

Bumke 2008 — *Wolfram fon Eschenbach*. Parzival / Hrsg. von J. Bumke. Tübingen: Max Niemeyer, 2008. (Altdeutsche Textbibliothek).

Литература

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Постановка проблемы романа воспитания // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 209–216.

Гуревич 1976 — *Гуревич А. Я.* Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения / Отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1976. С. 276–314.

Гуревич 2009 — *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: Александрия, 2009.

Мелетинский 1983 — *Мелетинский Е. М.* Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1983.

Михайлов 1976 — *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976.

Фомичева 2018 — *Фомичева А. А.* «Нерыцарское» в рыцарском: особенности состава лексико-тематической группы «оружие» в средневерхненемецкой куртуазной литературе // Stephanos. 2018. № 3 (29). С. 146–152. https://doi.org/10.24249/2309-9917-2018-29-3-146-152.

Хохлова 2023 — *Хохлова А. В.* «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и «Парцифаль» Л. В. Гинзбурга: прагматика неполного перевода // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. Т. 82. № 6. 2023. С. 100–111. https://doi.org/10.31857/S160578800029128-6.

[17] К рыбной ловле и рыбакам в Средневековье было несколько иное отношение, нежели к охоте и охотникам, это считалось богоугодным занятием.

Bumke 1991 — *Bumke J.* Courtly culture: Literature and society in the High Middle Ages. Berkeley: Univ. of California Press, 1991.

Hasty 1999 — A companion to Wolfram's *Parzival* / Ed. by W. Hasty. Columbia, S. C.: Camden House, 1999.

Hatto 1980 — *Hatto A. T.* Essays on medieval German and other poetry. New York: Cambridge Univ. Press, 1980.

Szabo 1997 — *Szabo T.* Die Kritik der Jagd. Von der Antike zum Mittelalter // Jagd und höfische Kultur im Mittelalter / Hrsg. von W. Rösener. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. S. 167–229.

References

Bakhtin, M. M. (1979). Postanovka problemy romana vospitaniia [Statement of the problem of the *Bildungsroman*]. In M. M. Bakhtin. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (S. G. Bocharov, Ed., pp. 209–216). Iskusstvo. (In Russian).

Bumke, J. (1991). *Courtly culture: Literature and society in the High Middle Ages*. Univ. of California Press.

Fomicheva, A. A. (2018). "Nerytsarskoe" v rytsarskom: osobennosti sostava leksiko-tematicheskoi gruppy "oruzhie" v sredneverkhnenemetskoi kurtuaznoi literature [Non-chivalrous in chivalrous: The lexical-thematic group "weapons" in German courteous literature in the High Middle Ages]. *Stefanos, 2018*(3, no. 29), 146–152. https://doi.org/10.24249/2309-9917-2018-29-3-146-152. (In Russian).

Gurevich, A. Ia. (1976). Srednevekovaia literatura i ee sovremennnoe vospriiatie. O perevode "Pesni o nibelungakh" [Medieval literature and its modern perception. About the translation of "The Song of the Nibelungs"]. In V. A. Karpushin (Ed.). *Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniia* (pp. 276–314). Nauka. (In Russian).

Gurevich, A. Ia. (2009). *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [Individual and society in the medieval West]. Aleksandriia. (In Russian).

Hasty, W. (Ed.) (1999). *A companion to Wolfram's* Parzival. Camden House.

Hatto, A. T. (1980). *Essays on medieval German and other poetry*. Cambridge Univ. Press.

Khokhlova A.V. (2023). "Partsifal'" Vol'frama fon Eshenbakha i "Partsifal'" L. V. Ginzburga: pragmatika nepolnogo perevoda ["Parzival" by Wolfram von Eschenbach and "Parzival" by L. V. Ginzburg: The pragmatics of incomplete translation]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk, Ser. literatury i iazyka, 82*(6), 100–111. https://doi.org/10.31857/S160578800029128-6. (In Russian).

Meletinskii, E. M. (1983). *Srednevekovyi roman: Proiskhozhdenie i klassicheskie formy* [The medieval romance: Origins and classical forms]. Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).

Mikhailov, A. D. (1976). *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French chivalric romance and questions of genre typology in medieval literature]. Nauka. (In Russian).

Szabo, T. (1997). Die Kritik der Jagd. Von der Antike zum Mittelalter. In W. Rösener (Ed.). *Jagd und höfische Kultur im Mittelalter* (pp. 167–229). Vandenhoeck & Ruprecht.

* * *

Информация об авторе

Алёна Владимировна Хохлова
аспирантка, младший научный сотрудник, отдел русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1
преподаватель, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
✉ *al.v.hohlova@gmail.com*

Information about the author

Alyona V. Khokhlova
Postgraduate Student, Researcher, Department of Classical Russian Literature, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str., 25a, Bld. 1
Lecturer, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
✉ *al.v.hohlova@gmail.com*